

ШОТА ГОРГАДЗЕ

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ

И ДРУГИЕ ЯДЫ

ИСПОВЕДЬ АДВОКАТА

детектив

Шота Олегович Горгадзе Любовь к деньгам и другие яды. Исповедь адвоката

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31541405

Горгадзе, Шота Олегович. Любовь к деньгам и другие яды. Исповедь

адвоката : Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-093033-3

Аннотация

Это невыдуманная история одного адвокатского расследования, которое произошло в моей жизни, с некоторыми элементами художественного вымысла. Все фамилии в истории изменены, но так как живы те, о ком идет речь, вне сомнений, они узнают себя. Некоторые из прототипов героев книги улыбнутся, а некоторые озлобятся. И хорошо, потому что не давать покоя людям зла и есть одна из причин, по которой я выбрал себе профессию адвоката. Читая эту книгу, читатель окунется в нескучный мир адвокатской жизни, очутится за стенами психиатрической клиники, войдет в кабинеты руководителей спецслужб и станет участником спецоперации по раскрытию одного из самых громких заказных убийств, так и оставшегося загадкой юридического мира последних лет.

Приятного путешествия, дорогой читатель. Не забудь надеть бронежилет и пристегнуть ремни безопасности.

Содержание

Одна секунда	7
Одна вторая секунды	13
Одна четвертая секунды	16
Одна восьмая	20
Начало	22
Приезд	24
Становление	29
Левин	38
Полозов	46
О женщинах	51
Отказ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Шота Горгадзе

Любовь к деньгам и другие яды. Исповедь адвоката

© Горгадзе Ш., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пресс-релиз городского суда:

«Пресс-служба городского суда выражает серьезную озабоченность в связи с прозвучавшими в эфире заявлениями адвоката Горгадзе Ш. О. о какой-либо возможной пристрастности судей городского суда при избрании меры пресечения в виде залога лицу, обвиняемому в организации заказного убийства! Да, обвиняемый сразу после освобождения из-под стражи покинул территорию РФ. Да, после его освобождения были убиты два ключевых свидетеля. Но пресс-служба суда не связывает эти события между собой и обращает внимание адвоката Горгадзе на недопустимость клеветы в адрес городского суда!»

«Смерть близко! Пойдемте любоваться сакурой».

Яэто Седзи

Одна секунда

Если верить Терри Пратчетту, коты бывают или настоящими, или нет. С адвокатами в целом та же история. Или да, или нет. Без «может быть», «как говорится», «так сказать» и «это как посмотреть». Как ни смотри, третьего не дано: ты – или адвокат, или нет. Потому что мы, извините, – команда. Ложа. Братство. Как у чиновников, только дороже. И опаснее.

Адвокатом стать непросто. Ты можешь быть уже вполне себе известным юристом. Можешь зарабатывать отменно, пользоваться популярностью в определенных кругах, можешь, морща лоб, разговаривать на малопонятном нормальному человеку *lingua juridica*, но, несмотря на внешнюю схожесть, это не будет значить ровным счетом ничего.

Юрист – личность пусть и профессионально модифицированная, но все же еще человек. То есть *apriori* имеет право на ошибку.

Чего не скажешь об адвокатах.

Возможно, поэтому адвокаты никогда не лгут.

Уверяю вас, нам это просто ни к чему. Зачем? У нас в запасе есть гораздо более безопасный, экономически оправданный, куда более действенный способ скрыть правду, чем это ваше обычное человеческое вранье. На вранье попадешься. Рано или поздно, обязательно. Наш способ скрыть прав-

ду нечеловечески прост и эффективен. К тому же он позволяет не опасаться последствий.

И способ этот известен всем, да вот пользуются им единицы! Именуется он умением молчать!

Можно совершенно спокойно находиться в плену любых стереотипов, на выбор. Можно быть сколь угодно предвзятым. Поверхностным, недостаточно углубляться в суть вопроса или, наоборот, быть излишне педантичным и зацикленным на мелочах.

Можно быть непрофессиональным. Необразованным. Невоспитанным. Невоздержанным. Нечистым на руку.

Можно наплевать. О да, можно совершенно безнаказанно плевать на что и кого угодно, презреть любые авторитеты прошлого, будущего или настоящего, будь то понятие или личность, и плевать на нее саму, ее неприкосновенность и свободу самовыражения, на мораль, веру, человеческие и религиозные ценности, политику в общем и – хватило бы терпения – на каждого ее деятеля в отдельности, можно оплевать все социальные лестницы и подъезды к ним, и наплевать, что кругом наплевано.

Можно быть глупцом, подлецом, националистом, гомосексуалистом, гомофобом, русофобом и преспокойно иметь двойное и даже тройное гражданство.

Можно иметь в виду всех и каждого и при этом не иметь своего особого мнения, не отдавать долги, не пользоваться зубной нитью, носить мех вместо самих животных, и вооб-

ще, быть сколько угодно засранцем – ибо воистину, абсолютная свобода ждет того, кто умеет *молчать!*

Промолчав, не скажешь глупости. Не попадешь в неловкое положение. Не окажешься изгоем. Не солжешь. Однако молчать нужно правильно. То есть так, чтобы никто не заметил, что ты промолчал.

Для этого нужно уметь говорить.

О погоде, коневодстве, внешнеполитической ситуации, ар-деко, реинкарнации, трудностях перевода современного искусства на матерный русский, о политике, деньгах, правах человека и его идеалах, нужно уметь говорить много, вкусно, правильно, убедительно и вовремя, уметь говорить так, чтобы сказать обо всем на свете, кроме правды.

И если обычному человеку или, скажем, юристу не возбраняется время от времени поиметь собственное мнение публично, то адвокату вменяется в обязанность держать его при себе. Всегда. Это, можно сказать, первая заповедь адвоката.

Заповедь, которую я так грубо нарушил.

Впрочем, в ходе произошедшего за последнее время мне пришлось нарушить не только эту, но и многие другие заповеди, табу и законы, включая даже и уголовные: так я перестал быть адвокатом и снова стал человеком.

В погоне за результатом я не был особо щепетилен в выборе средств и, как это водится у людей, не особо задумывался об этом.

Сегодня, здесь и сейчас я особенно остро чувствую свою неправоту. На это, конечно, есть свои причины.

К таковым, например, можно отнести тот факт, что сейчас – четыре утра, воскресенье, а я все еще в офисе. Я люблю свою работу, но не любовь к профессии не дает мне встать с кресла и уйти, дело в том, что я примотан к этому самому креслу с помощью мотка серой строительной липкой ленты. Возразить по существу или даже просто прокомментировать сложившуюся ситуацию я также не в силах: мой рот заклеен этой же лентой, а ко лбу приставлен пистолет (марку не скажу, не очень разбираюсь в оружии).

Замечали ли вы, что время течет как-то по-особенному, когда к вашему лбу приставлен пистолет?

В этом наверняка кроется какая-то таинственная флюктуация, какой-нибудь выверт пространства/времени, ведущий напрямик к пониманию того факта, что все материальное нематериально, бесконечность конечна, а Единая теория поля и Девятая симфония Бетховена – суть одно и то же. Или еще что-нибудь столь же глубокомысленное в духе научно-популярных журналов среднего тиража.

Как бы то ни было, за последние полсекунды я категорически изменил свое мнение относительно структуры времени да и жизни вообще. Теперь я совершенно уверен, что время течет в глубину, а жизнь – это миг между прошлым и будущим, за который мне много раз советовали держаться, да я не слушал.

А кто из нас слушал? Как часто при прочих равных, когда у вас в жизни все хорошо, в вашей голове появляются мысли о мимолетности бытия? То-то и оно. За последние же полсекунды я задался вопросами, задаваться которыми никогда не пришло бы мне в голову, если бы не пистолет возле нее.

Уверяю вас, голова, к которой приставлен пистолет, способна на многое такое, о чем не могут и мечтать обычные головы, по уши погруженные в свое обычное рутинное вялотекущее время. По собственному опыту знаю, что голова, которой касается ствол пистолета, способна на прорыв.

Раньше мне в жизни никак не удавалось остановиться. Да, вот просто остановиться: постоять, посидеть, полежать и прислушаться, присмотреться к миру, в котором я живу. Я все время был занят чем-то, какой-то подготовкой к жизни, к настоящей жизни, которая вот-вот начнется, буквально уже скоро! Только чтобы эта «настоящая жизнь» наступила прямо завтра, ей в жертву необходимо принести «сегодня».

Теперь я наконец-то получил возможность рассмотреть жизнь не торопясь. В частности, я заметил, что человек, который держит пистолет, улыбается. Это было заметно даже сквозь дурацкую черную лыжную шапочку, под которой он скрывал свое лицо.

Улыбка – это хорошо. Я всегда ценил чувство юмора в людях, особенно если они вооружены. Скажу больше: до последнего момента я даже верил, что присутствие чувства юмора в человеке уже само по себе есть панацея от мно-

гих осложнений в жизни, включая, возможно, и саму смерть. Ведь даже смерть не так страшна, если над ней как следует насмеяться.

Однако при ближайшем рассмотрении вынужден признать: черта с два! Куда легче высмеять смерть как понятие отвлеченное, философское, к вам лично никакого отношения не имеющее.

С собственной смертью дела обстоят несколько иначе: оказывается, ваше чувство юмора сильно зависит от того, по какую сторону от прицела вы находитесь.

Одна вторая секунды

«Страх смерти хуже смерти, ибо он отравляет жизнь».

Яэто Седзи

Все боятся смерти. Даже адвокаты. И хотя смертность среди представителей нашей профессии относительно невелика (сколиоз и подозрительность губительны для имиджа, но не для организма в целом), каждому маломальски уважающему себя адвокату приходится столкнуться с ситуацией, когда ты вынужден делать выбор между жизнью и смертью.

Поймите меня правильно, сделанный выбор вовсе не означает, что вы знаете, что выбрали: никто (или почти никто) не выходит из дома умирать. Смерть способна прикинуться делом самым будничным, до оскомины.

Можно выйти за молоком и не дойти, потому что какой-то болван сядет за руль пьяным и выберет именно этот день, час и перекресток, чтобы переехать вас насмерть.

Это может быть сердечный приступ в дорогом фитнес-зале. Или во время секса. Или вместо него. Может наступить смерть от одиночества – долгая, комфортная смерть, которую многие путают с жизнью. Разные бывают смерти, и у каждой своя стоимость.

Самый доступный класс – самоубийства, недорогие ку-

старные смерти-поделки, в основном от безысходности и тоски.

За ними идут смерти эконом-класса – от старости, нелепые, случайные.

Есть смерти бизнес-класса – заказные, дорогие, шикарные смерти со снайперами, автоматчиками и взлетающими на воздух автомобилями.

Есть эксклюзивные смерти – это производные от смертей бизнес-класса, но не такие кричащие, не такие яркие, это – спокойные, уверенные в себе смерти класса elite: отравленный букет цветов, чашка чая или поцелуй. Такие аристократические смерти сейчас уже не встречаются.

Бывают смерти показательные. Это – особый класс смертей, в основном смерть предателей и перебежчиков, но не обязательно. Эта смерть – публичное предостережение: предай нас, и ты пойдешь по Таймс-сквер, зайдешь в ночной клуб, случайно снимешь там отравленную полонием проститутку и будешь долго и показательно умирать, а на твоём надгробии напишут: «На память от коллег».

Бывают смерти героические, например, во славу Родины или во имя спасения жизней других людей. Такая смерть как таковой стоимости не имеет, она бесценна и в отличие от других смертей оценивается не по тому, «как» и «кто» умер, а по тому – «зачем». Она зачастую бывает малоизвестной, а то и вовсе не известной. Это – смерть вне категорий и, может быть, и не смерть вовсе.

К какой из них отнести смерть от руки убийцы в идиотской лыжной шапочке, я не знаю.

«Лыжник» улыбается и плавно тянет спусковой крючок: я слышу деликатное пружинное «тик».

Одна четвертая секунды

Люди любят говорить.

Вообще и о времени в частности.

Например, в повседневной жизни они часто употребляют выражение «в последнее время».

Глупости. Они не знают, о чем говорят. А я знаю: последнее время – это такое время, по прошествии которого никакого другого больше уже не будет. Никогда.

«В последнее время ...» – говорим мы, и дальше непременно следует какая-нибудь ерунда, вроде: «я сам не свой», «мне что-то не везет» или «у меня давно не было секса».

Нет уж, извините, никакое это не «последнее время». Если хотите узнать, что такое настоящее «последнее время», идите к нотариусу, составьте документ примерно следующего содержания: «Я, такой-то, находясь в здравом уме и трезвой памяти, завещаю все свое движимое и недвижимое имущество на имя (Ф.И.О. вашего злейшего врага) при условии, что такого-то числа, находясь у себя в офисе, ровно в 05.00 умру от выстрела в голову. В моей смерти прошу никого не винить!»

Подпишите, нотариально заверьте написанное и перешлите по почте своему злейшему врагу, сами же за час до наступления указанного в документе срока отправляйтесь в офис, привяжите себя изолентой к креслу и ждите.

Наслаждайтесь: с большой долей вероятности, все оставшееся вам время – *последнее*.

Или вот еще выражение, смысл которого мне неясен – «в наше время». Что вообще это означает? Часто приходится слышать: мол, да, дескать, в «наше время» все было «не так», как раньше.

Мысль о том, что время – на то и время, чтобы в каждый последующий его момент все в нем было «не так», как раньше, не в состоянии прийти в некоторые головы, как если бы к ним был приставлен не то что пистолет, но даже палубное орудие главного калибра. За грохотом собственного мнения эти головы ни черта не услышат.

Кто же эти люди, что сетуют на день сегодняшний так, как будто у них был, есть или будет какой-нибудь другой?

Может быть, это – известные писатели, художники или поэты, ученые или полководцы, политические деятели, умы, от решения которых зависит тектоника мировых геополитических плит, люди, в чьих устах фразу «в мое время» можно было бы не счесть слишком уж откровенной наглостью?

Как правило, в подавляющем большинстве таким манером разглагольствуют состарившиеся душой домохозяйки обоих полов и разной степени удачливости, владельцы цельнолитого чугунного самомнения, которое они всеми силами стараются покрыть сусальным золотом своего невеликого жизненного опыта. С высокомерной миной обозревают они день сегодняшний, несказанно радуясь, если удастся обнару-

жить в нем любые признаки упадка. И тогда они, тыкая пальцем в день сегодняшней, непременно во всеуслышание, с особым мстительным удовольствием отказывают настоящему во всякой разумной целесообразности.

Они способны годы напролет придыхать о некоем благодатном палеозое, каком-то благословенном «их времени», которое некогда принадлежало им безраздельно, распорядиться которым они были вольны по полному своему усмотрению и которого было так много, так бесконечно много, что оно было не просто веселее, здоровее, проще, точнее и лучше, но и полностью зависело от малейшего их пожелания, от любой прихоти, было гибким, услужливым и с удовольствием работало на них по одному только праву их существования. В то «их время» они могли стать кем угодно, и если не стали, то потому лишь, что неожиданно наступило (черт бы его побрал) совсем другое время, не «их», а уже совершенно другое: чужое, безумное, которое ни в какие ворота не лезет, ни к чему хорошему не ведет и выйдет всем таким боком, что эти самые все еще не раз вспомнят их пророчества, но, уж конечно поздно будет. Это оно, *чужое* время, безжалостно спутало их карты, а ведь это, надо сказать, были рокер да flash royal, не то что теперь, здесь и сейчас, где «таро» – и те крапленые, суставы ломит к дождю, а молнии бьют все ближе к любимому палисаднику, и решительно все, что принадлежит им *сегодня*, это – одышка и воспоминания.

Воистину, чем более несчастен человек, тем больше он

склонен обвинять в этом кого-либо, кроме себя.

КЛИК.

Одна восьмая

«Счастливые люди никого не обвиняют в своих несчастьях».

Яэто Седзи

Не новость, но вот, что я подумал: всему свое время.

Всему и вся.

Вот спусковой крючок продолжает свой путь по направляющей, вскоре наступит его время довести боек до точки невозврата.

Затем наступит время бойка ударить по капсюлю гильзы.

Потом время пули.

И только потом мое.

Странно, но я не испытываю страха. На него нет времени.

Я не испытываю никаких чувств вообще. Мои мысли свободны от эмоций, они легки и точны.

Было время, когда – чувства, чувства, чувства.

Развлеки мир и делай с ним что хочешь.

Большинство из вас, по ту сторону прицела, живет в состоянии вечного поиска развлечений, всеми силами стараясь разбавить скуку, с годами перерастающую в печеночные колики и брак по расчету.

Покажите мне, чему удивляется человек, и я скажу вам, кто он.

Подождите. Стойте. Не то. Я не то сказал, это все не важно...

Я хотел сказать, что...

ОДНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Есть хочется. И жить!

В конце концов, это несправедливо – умирать...

ОДНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

... на голодный желудок...

Не то, все не то... Время уходит и... А вот! Вспомнил!

Прости меня, Господи!

Прости за то, что и у меня не нашлось более важного вопроса, чем этот:

ОДНА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Почему я?!

ВЫСТРЕЛ.

Начало

Я приехал в Москву поездом, потому что боюсь летать на самолетах. Наверное, начинать детективную историю (а это, скорее всего, именно она) с признания в том, что главный герой до потных ладошек боится летать, не очень правильно с точки зрения законов жанра. Да и черт с ними, с законами. Вся эта история – один сплошной упрек законам, а с ними – законодателям, чиновникам и прочим служителям старой девы Фемиды, под конец жизни окончательно забронзовевшей от хронического недостатка любви.

Этот упрек адресован и лично мне.

В свое оправдание могу сказать лишь, что понятия не имел о том, что буду адвокатом: родители планировали меня музыкантом.

Я окончил музыкальную школу и поступил в музыкальное училище на факультет «Теория музыки», которое и окончил с отличием, получив квалификацию преподавателя музыки в специализированных музыкальных школах.

К тому времени я очень твердо решил оставить музыку. Если верить Бетховену, музыка – язык Создателя, и в этом случае святая обязанность каждого, кто не может говорить на нем с должной страстью и самоотречением, – замолчать.

Родители были против. Родительская любовь – страшная сила, способная, опережая время, строить на песке гигант-

ские замки своих надежд, и ничто так не оскорбляет ее, как наше нежелание жить в них.

Однако мое решение стать адвокатом – третьей, по родительской шкале полезности, профессией в мире после музыканта и врача – несколько примирило семью с моим непослушанием.

С благословения семейства я поступил в университет на факультет с гаррипоттеровским названием «Правоведение», которое и окончил, став «правоведом».

А потом, попрощавшись с родными, купил билет на поезд до Москвы.

Приезд

Хорошо в вагоне. В поезде ты всегда немножко дома. На тебя снисходит осознание спокойного, добродушного превосходства над окружающим миром. Ты – избранный.

Ты знаешь свое будущее на много часов вперед, и настоящее уже не несет в себе той беспокойной неопределенности, что легко читается в глазах людей, беспорядочно движущихся в броуновском привокзальном хаосе.

Вот ты, в сто первый раз проверив деньги и документы, выходишь из мягкой тишины вагона на перрон поцеловать родных и окунуться в перронную лихорадку.

Ничего, у тебя теперь к ней иммунитет: ты находишься в бухте Определенности, посреди Океана Всяческой Суеты.

Ты – пассажир.

Прощание, слезы, поцелуи и торопливые напутствия, от которых, несмотря ни на что, тоскливо сжимается сердце: ты покидаешь дом.

Но прощальную тоску как рукой снимает, когда ты садишься у окна, включаешь музыку Рахманинова и едешь. Нет ничего более жизнеутверждающего, чем движение, особенно если это – движение в нужном тебе направлении.

Конечно, ты не можешь знать, чем кончится твое путешествие, ибо ничто не может противостоять Великой и Ужасной Необходимости, с одинаковой легкостью уничтожающей

народы и разбивающей сердца, и даже сам Создатель с опаской смотрит на свое творение.

Никогда и ничто в этом мире не появится и не исчезнет без Необходимости на то. И лишь одна только Неизвестность до времени укрывает нас от ее недремлющего ока.

Я заснул, и мне приснился Кот.

Именно так, с большой буквы. Кот прижился у нас в доме, когда мне было восемь лет, и получал ночлег и еду за то, что ловил крыс и мышей: дед никого не кормил просто так.

Пришел больной, паршивый и умирающий Кот как-то вечером и лег на пороге – просто не дополз до входа. Вся голова кота была в крови, на месте левого глаза – гноящаяся рана. Псы подняли лай, но подходить близко почему-то не решались. Выйдя на шум и отогнав собак, дед поднял подыхающего кота на руки, коротко взглянул на рану и унес умирающее животное в дом.

Дед выхаживал его сам, и пока тот был слаб, старик поил его молоком из стеклянной пипетки, что-то приговаривая. Через пару недель Кот стал выходить на улицу, через месяц ушел из дома на ночь и к утру вернулся с огромной дохлой крысой в пасти. Увидев это, дед кивнул, и Кот заслужил свое место у домашнего очага.

Полностью зажив, пустая глазница перекосила всю усатую морду так, что и здоровый глаз вытянулся чуть не в щелку. Когда Кот выздоровел и стал весить с полсобаки, а шерсть его залоснилась, как бархат, его единственный узкий и жел-

тый, как луна перед бурей, глаз видел, я уверен, ничуть не хуже, чем некоторые люди видят обоими. Кот никого на свете не любил, но деда любил, как может любить только кот: до первой разности в интересах. Меня он терпел и по-своему даже уважал, однажды не расцарапав мне ногу, когда я впотьмах наступил ему на хвост.

Наши дворовые псы – три матерые, злющие кавказские овчарки, все кобели старых пастушьих, мешанных с самими горными чертями кровей, – ясное дело, невзлюбили нового жителя, платившего им, к слову, таким презрением, что, казалось, и не замечал их ненависти вовсе.

Собаки сидели на цепи днем, ночью спускались погулять. Именно погулять, так как забор у деда держался не высотой и крепостью, а репутацией хозяина, так что работы у собак было не много.

Кот тоже в основном гулял ночью, днем спал в доме, спасаясь от жары. В конце концов и произошло то, что обязательно должно было произойти. Ксеро – самый младший и сильный из собак, огромный и очень злой даже для своей породы, невзлюбил Кота больше остальных. Молча он наблюдал за ненавистным пришельцем через прутья вольера.

Как-то ранним вечером дед пошел выпустить псов из вольера, Кот же, на свою беду, как раз возвращался в дом после двухдневного отсутствия. Дед, в сумерках не приметив кота, открыл дверь собачьего вольера. Без звука Ксеро рванул вперед и в два прыжка очутился рядом с Котом. Кот был

на самой середине небольшого двора и при всей своей прыти явно не успевал ни запрыгнуть на крышу загона, ни добрат-ся до дома. Помню, я кричал собаке что-то вроде «стоять», «назад» но... столько дней томной испепеляющей ярости, и тут такая возможность отомстить.

Дед все сразу понял и молча смотрел на обреченного ко-та. Кот, стоя чуть боком к нависшему над ним огромному псу, присел на всех четырех и сделал маленький, короткий прыжок *навстречу* собаке, оказавшись у той под нижней че-люстью, в непосредственной близости от огромной собачьей пасти. Ксеро, не ожидая такого поворота, был вынужден сде-лать шаг назад, чтобы иметь возможность видеть кота, а уви-дев, схватить. Тяжелое, мощное тело пса, разогнавшись, не могло изменить направления движения настолько быстро, насколько это было необходимо для подобного маневра. Ксе-ровы задние лапы, готовые было к толчку вперед, теперь ме-шали ему. Несколько мгновений собака неуклюже разбира-лась со своим телом, в досаде широко открыв пасть так, что набок вывалился розовый, широкий, как лопата, язык. Этой небольшой заминки оказалось достаточно для Кота.

Не думаю, чтобы тот спланировал все заранее, хотя кто вообще может знать что-либо наверняка, когда дело касается черного одноглазого Кота? Возможно, там, где он оставил свой глаз, он получил взамен него изрядную долю опыта. Он подался немного вбок и вперед, прямо к жуткой собачьей пасти и... ухватил пса за язык.

Пес заметался вокруг врага, держащего язык в своей маленькой пасти, и не мог закрыть свою, чтобы попросту откусить мучителю голову: Кот не позволял приблизиться к себе ни на йоту, моментально отскакивая назад и вынуждая пса повторять все свои движения. Вдобавок, путив в ход правую лапу, умудрился в мгновение ока располосовать собаке нос. Прошло совсем немного времени такого шаткого противостояния, а язык и морда Ксеро были уже все в крови, нос разодран в клочья. Измученный пес просто лег на землю и, скуля, пополз к отступающему в направлении дома Коту. Наконец, решив, видимо, что он достаточно близок ко входу, Кот разжал пасть и, выпустив собачий язык, одним прыжком оказался внутри дома. Ксеро остался лежать за два шага от порога, поскуливая и заливаясь кровью.

Я помню, что я плакал. Дед улыбался, гладил меня по голове сухой сильной ладонью.

– Ничего, бичо, ничего.

В Москву я въехал во сне.

Становление

Все, что мне раньше рассказывали о Москве, оказалось сразу же по приезде или впоследствии, с годами, не так, не совсем так или совсем не так.

Я приехал, остановился у родственников и через две недели, имея диплом, поступил в аспирантуру. Никто не требовал у меня взятку за поступление. Мои учителя вызывали во мне уважение, мои однокурсники – дружбу или влюбленность в зависимости от пола, и я прожил в этом городе шесть лет, которые промелькнули, как один длинный день. Все шло по плану, иначе и быть не могло.

Точно так же, по плану, прошли и последующие пятнадцать лет, в течение которых я перестал быть стажером в коллегии адвокатов и стал адвокатом, перебрался из чужого офиса в собственный, пересел с общественного транспорта на личный, завел секретаря, двух помощников, уборщицу Зульфию, тигрового питона Баффи, привычку курить сигары, выступать на телевидении и радио и никогда не жениться.

Если бы меня спросили о деталях, мне было бы почти нечего сказать. Возможно, потому что все эти пятнадцать лет я был занят.

Помнится, работы было много всегда, с самого первого дня, и со временем становилось все больше. Однако, начиная

с момента приезда, я неизменно, несмотря ни на что, раз в год ездил к родителям в Батуми на месяц.

Первую неделю по приезде всегда было трудно: Москва не отпускала. Однако я был настойчив: по одной и той же тропинке я приходил к морю, садился в тени одной и той же скалы и по несколько часов в день делал одно и то же.

Я делал Ничего.

Это великое искусство сильно недооценено в наши дни. Человеку необходимо назло суетливой ежедневности иногда остановиться, сесть у моря и начать вдумчиво, не спеша, не пропуская ни одного самого маленького мгновения, делать Ничего.

Делание Ничего занимало обычно два-три часа в день, и, когда мне казалось, что я сделал на сегодня уже достаточно, я собирался и уходил.

Тридцать дней в году дома исчезали из моей жизни так же быстро, как исчезают куда-то сквозь пальцы зажатые в кулак песчинки, которых вот только что был полный кулак, а теперь их едва хватает, чтобы пересыпать в другую ладонь, и можно сосчитать по пальцам.

Дома меня ждали покой и неспешное течение счастливо сложившейся жизни, наблюдая за которой, казалось невероятным, что там, в Москве, меня ждет совсем другая жизнь: суета, сутолока, иногда совершенно чудовищная по своим масштабам неразбериха взаимоотношений Человека и Закона. Поначалу я вел несложные гражданские и администра-

тивные дела, затем начал брать и уголовные. Вначале я работал на имя, потом имя начало работать на меня.

Работы всегда хватало и становилось больше и больше. Я зарабатывал все больше. Я знал все больше. Я становился увереннее в себе. В моих клиентах значились известные и состоятельные люди Москвы, и здесь, как и везде, все тоже шло по плану. Я работал днями и ночами все эти пятнадцать лет, чтобы Москва приняла меня, и это в конце концов произошло. Меня все чаще приглашали на телевидение, я мог позволить себе вести несколько дел безо всякой платы, из чистого альтруизма, просто потому, что мне так хотелось.

При этом я чувствовал, что увяз.

Нет, дела о разделе «звездного» имущества, нелегальном строительстве, иск брата на брата своего – это хорошо. Заработок. Работа. Я по-прежнему делал Свое Дело.

Но...

Пожалуй, последний миф среднего возраста – миф о том, что твое дело, которым ты занят, дает тебе свободу. Если однажды ты сделал правильный выбор и это – действительно твое, а не чье-либо чужое дело, то забудь о свободе: ты будешь работать всю свою жизнь, ежедневно, без выходных, отпусков и увольнительных. Твое Дело отнимет у тебя то, что в телевизорах и кухнях принято звать свободой – право на некомпетентность, поверхностность суждений, запланированный отпуск. Взамен ты получишь лишь одно – репутацию. А это – еще больше работы.

Я зарабатывал внушительные деньги и не намеревался останавливаться. Я практически перестал общаться со многими из друзей прошлого. Не потому, что стал снобом и не желал тратить на них время, а потому, что они один за другим исчезали из моей жизни за символическую плату. Мне порой кажется, что они даже не догадывались, что प्रदेशевили, и просто продолжать дружить со мной могло быть для них более выгодным вложением, чем разовый «заработок». К слову сказать, выглядело это слишком банально, чтобы уделять описанию этой процедуры пару страниц. Если коротко: «друг детства» звонил спустя 20–30 лет тишины с фразой: «Шота, привет! Помнишь меня? Я – Георгий! Ты куда пропал, сто лет не виделась! Надо встретиться!» Ну а на встрече (иногда на первой, иногда на второй, если «друг детства» любил «многоходовки») звучало: «Слушай, очень нужны деньги! Одолжи на месяц пару тысяч евро, до конца марта верну!» Отдавал, глядя с грустью в глаза друга, потому что знал: вижу его в последний раз в жизни. Иногда хотелось сказать: «Возьми не в долг, а просто так. Только не пропадай».

Но рано или поздно мы взрослеем, оставляя в прошлом воспоминания, понимая, что реальность изменила тот вчерашний день, когда ты носил розовые очки и все вокруг казалось неизменным и постоянным. Такой день наступил для меня во время очередной встречи одноклассников (которая происходила стабильно раз в десять лет). На этой злосчаст-

ной встрече мне пришла в голову мысль оплатить полностью все расходы по встрече друзей, хотя среди моих одноклассников было принято организовывать это мероприятие вскладчину. Поступил так не потому, что был богаче всех, а просто потому, что накануне выиграл процесс и получил хороший гонорар. Как говорится, на радостях. На следующий день большая часть одноклассников говорила: «Шота стал мажором, понтуется перед нами». Вот тогда-то и наступило время повзрослеть и четко очертить круг общения, исключив из него всех посторонних (хоть когда-то и бывших близкими) людей.

И тогда, и сейчас мне глубоко безразлично чье бы то ни было мнение относительно того, как я живу.

Вероятно, это – что-то врожденное, и я родился с этой чудесной мутацией психики, позволяющей мне избегать душевных романтических рефлексий: если человек переставал быть мне интересен, я переставал с ним общаться. Жизнь искалечила многих, и у меня нет времени на сожаления по отношению даже к самому себе. Зовите меня высокомерным, жестоким, зовите меня, как вам угодно, судите меня, если считаете вправе, но я теперь как минимум не корчусь от неловкости при встрече с однокашниками раз в десять лет, мучительно выбирая слова и мечтая только об одном – как бы поскорее расстаться еще на десять. Некоторые из моих однокашников стали куда богаче меня. Они трижды женаты, имеют сеть магазинов и любовниц, не платят налоги и,

подмигивая, приглашают меня через Facebook в баню с проститутками. И раньше, не имея денег, они не были особенно умны, теперь же, добравшись до, как им кажется, больших Денег и убедившись, что Деньги решают все, что способна измыслить их мещанская фантазия, их самомнение распухло до поистине невиданных размеров, не позволяя им видеть ничего дальше собственных животов и телевизора.

И увидев там меня, они стали звонить мне, фамильярно хохотать в трубку, при встрече непременно похлопывать по плечу и просить взять их дело.

Иногда я соглашался и тогда назначал огромные, невысказанные, баснословные, ничем не оправданные гонорары, чем вызывал... уважение. Вначале я не мог взять в толк, в чем здесь секрет, потом вдруг понял, что сама **возможность** заплатить кругленькую сумму легко, не задумываясь, за пустяковое, в общем-то, дело, почти исключительно из желания рассказать всем-всем-всем, что «Горгадзе – мой адвокат», может доставлять некоторым людям удовольствие, за которое они будут готовы заплатить.

Иметь все! Вот девиз этого типа людей. Девиз этот, это тайное слово – главное слово в их лексиконе. Они не глупы – о, отнюдь! – они проявляют поистине демоническое хитроумие, продавая и покупая все, что ни встретится на их пути. Как саранча, они имеют все и всех, все больше и больше убеждаясь во всемогуществе Денег, пока, наконец, окончательно не перестают видеть разницу между собой и Деньга-

ми.

Так в мире рождается опаснейшее существо, наделенное всеми атрибутами человеческой власти и напрочь лишенное всяческой за нее ответственности, существо, не видящее разницы между *возможностью* и *правом* – Homo Consumus!

Homo Consumus *имеет* Мир при любом удобном случае, порождая вокруг себя коррупцию и цинизм, восстанавливая церквы побольше и коллекционируя картины подороже.

Все это не значит, что так поступают все, у кого есть деньги. Встречаются и другие. Эти ведут себя странно. Неестественно. Неестественно для тех, кто привык считать наплевательское отношение ко всему, что лежит вне поля собственных интересов, естественным. Они владеют огромными состояниями, управляют гигантскими трастами, распоряжаются средствами, сравнимыми с бюджетом небольшой европейской страны, и при этом они ездят на экономичных автомобилях за рулем, говорят на семи языках и тратятся на благотворительность *анонимно*. Их мало, но они есть.

Странно, но факт: среди богатых не больше и не меньше хороших людей, чем среди нищих. Пропорция сохраняется, и деньги сами по себе здесь не решают ничего.

В обществе принято рассматривать бедность как непременный атрибут святости, той самой, вероятно, к которой произвольно стремится каждая человеческая душа. Здесь-то и происходит подленькая подмена понятий, посредством

которой физическая нищета сама по себе становится непременным условием душевного богатства, вроде того, как наличие больших денег обязательно делает человека духовно нищим.

Эти и другие современные стереотипы, предрассудки и городские легенды оформились в особый вид правды – сетевой. С развитием Internet стали особенно популярны «альтруисты», не имеющие ни достаточно ума, чтобы заработать по Закону, ни достаточно смелости, чтобы преступить его, но притворно умиротворенные, мудрствующие лукаво, теребящие тысячелетия назад рожденные истины и публично отрицающие деньги, постоянно кого-то поучающие, создающие свои «академии», «курсы» и откровенные секты.

Они почитают истину, рубище и путешествия в Тибет для начала, но заканчивают чаще всего дворцом на острове, парком шикарных суперкаров и веселящим газом трижды в день.

Многие из этих «учителей» на поверку оказываются в лучшем случае полуграмотными стяжателями, в худшем же – профессиональными ловцами душ. Впрочем, мы сами виноваты. Воистину, если Господь желает наказать человека, он лишает его разума. И все же, выбирая из негодяев, я как адвокат советовал бы предпочесть богатых.

Я имею свое мнение. Имейте, пожалуйста, свое. Мне было бы крайне неприятно видеть, что мое мнение имеет кто-либо еще, кроме меня. Я никогда никому не указывал, как жить, и

не принимал советов от других. Я работал, разгребая завалы из чужой глупости, попустительства, халатности, преступной наивности, подлости, стяжательства и невезения. Работал и ждал.

Мне мечталось о социально значимом громком деле, где бы я мог проявить накопленный опыт, и мне пришлось бы, конечно, непросто, но я непременно вышел бы победителем и со спокойной уверенностью смог бы сказать всем и каждому: «Эй, все идет по плану!»

Это было бы дело – всем делам дело. После победы в нем я бы вкатил в Москву на белом кабриолете, приветствуя толпы поклонников смиренным наклоном убеленной ранними сединами головы, приобрел бы родовое дворянство, и «Ave мне!» значилось бы на моем древнем гербе.

Иными словами, я жаждал славы.

Тогда я еще не догадывался, что самое страшное в человеческих желаниях то, что они сбываются.

Левин

У него хороший офис.

Высотка в самом центре Москвы. Вся его. И в офисе все дорогое. Удобное. Красивое.

Окна до пола. В них Кремль. Он там бывал.

Когда въезжаешь в Кремль, говорят, что ты «за стеной».

Ему говорили: будут «глушилки», обыски.

Один раз обыскали, попросили сдать телефон. Все. Он спрашивал, о чем президента во время аудиенции спрашивать нельзя, кремлевские переглядывались, пожимали плечами: не захочет – не ответит, чего жути нагонять. Он увиделся с президентом, поговорили целых две минуты. Президент поблагодарил его, он поблагодарил президента.

Получил обратно свой телефон и уехал из Кремля по дороге, которую укладывала его «АвДор».

«АвДор» делал и МКАД. И Ленинградку. И многие улицы в Москве. Мосты. Объездные. Развязки.

Перекладывал брусчатку внутри Кремля и на Красной площади: тогда каждый камень был вытащен вручную, пронумерован, отшлифован и вложен обратно.

Всего в Кремле и на Красной площади 700 980 камней. Габбро-диабаз, горная порода. Черный, потный, колотый.

Царь Иван III Красную площадь строил. И он, Левин, строил. Иван III был первым, а он последним. И не известно,

как Иван, а уж он-то на этом ничего не заработал, наоборот, потерял много денег. Однако к тому времени, как его «Ав-Дор» выиграл тендер, деньги для него уже не были главным.

Перебраться Красную площадь по камушку, и чтобы все – и друзья, и враги знали: он делал, его фирма. И тендер государственный, и гарантийное обслуживание на пять лет. И благодарность президента. Она сколько стоит?

Вы Красную площадь делали? Мы.

Есть вещи, которые деньгами не измерить. Если, конечно, денег достаточно. У него достаточно. Очень даже. И в России, и за границей. Хватит и детям, и внукам. И правнукам.

И начинал он один, не то что Иван III. Работал на стройке: месил цемент, клал кирпичи, штукатурил стены.

Так бы и штукатурил, если бы не женился удачно. И, как оказалось, по любви. Скажи кому – не поверят. Люди предпочитают не верить в нечто хорошее так отчаянно, как будто это может им навредить. В привидения верят, в вампиров, в бубонную чуму в колбасном цехе, в чупакабру, в завтрашний дефолт, в двойников президента, масонский заговор и христианскую кровь в маце, в то, что в слове «Бог» кроется истина, за которую не грех и убить, в лекарство от смерти, в чужие деньги, в питье мочи и прочую нетрадиционную медицину. Верят в то, что Луна – космический корабль, откуда космические фашисты планируют вторжение на Землю.

Верят, верят с удовольствием и азартом!

Но если намекнуть им между делом, что мальчик из хо-

рошей еврейской семьи встретил девочку из тоже хорошей и – так уж случилось – очень состоятельной еврейской семьи, женился на ней и удесятерил капитал, то сколько из них поверит, что он ее *любит*?

А сколько станет так презрительно улыбаться, как будто знает о его жизни что-то очень даже позорное? Вроде как их не проведешь. Им все ясно как день. Еврей и Деньги – синонимы. Как будто ему кто-то эти деньги дал за просто так. Какой-то Всемирный Еврейский Фонд по достижении каждым евреем тринадцати лет наделяет его деньгами. Миллион для начала. Чтобы войти во вкус. Поэтому евреи с детства умеют считать, планировать и осуществлять свои планы.

Но любить... У евреев душа маленькая, скаредная, жи-довская, одним словом, душа. Какая любовь, скажите, там поместится? Разве что к деньгам.

Что на это скажешь, кроме как промолчишь?

Можно было бы возразить, что тот факт, что в его компании на сегодня работают пять тысяч человек и в год она оборачивает около миллиарда долларов, никак не влияет на то, что он любит жену, троих детей и пятерых внуков, но...

Прав был старый Исаак: «Дураку и счастье не впрок, умному и несчастье в помощь». Исаак был сед как лунь, и у него пахло изо рта, но он был мудр и отличал его среди других детей. Родители не возражали. Еще бы! Все дети играют в футбол, а этот целыми днями за книжками.

Исаак учил его жизни, как знал ее сам: по номеру на ру-

ке, по мертвым своим семерым детям, передушенным газом в «душегубках» Запорожья, по пережившей, но оставшейся навсегда парализованной, навеки застывшей в своем горе жене, по яблоку и меду, по Царице Субботе. Исаак учил, что, несмотря ни на что (ни на что!), все зависит от тебя, а не от каких-то там обстоятельств. Выбор за тобой. Всегда. Сколько бы труден он ни был.

Он слушал и с грустью думал о своей жизни, но молчал: глядя на жизнь старика Исаака, было как-то неловко жаловаться на свою.

Когда умерла жена Исаака, тот радовался и совсем не плакал. Стоя на похоронах напротив старика, он, еще совсем мальчишка, понимал почему, и старик, глядя на него, понимал, что он понимает, и улыбался ему. Кто-то покрутил пальцем у виска и сказал: «Старый Исаак сошел с ума от горя!» Кто-то повторил. И все забыли.

Горе! Что вы знаете о горе? Вы, ростовщики от веры, мо́литесь Богу по пяти раз на дню, раскачиваясь, как гуси, и воображая, что десять молитв – в десять раз лучше одной.

Спросите о горе у старого Исаака, и он промолчит вам о том, что не плакал потому, что все слезы давно уже закончились, и, ежедневно вынося нечистоты за своей женой, он делал вид, что не замечает, как она отворачивает свое лицо. Она утратила все: молодость, красоту, детей, здоровье, но не этот проклятый стыд.

Можно ли назвать жизнью эту полную стыда беспомощ-

ность?

Можно ли назвать жизнью вечное неистребимое горе по растерзанным войной детям, чьи распухшие водянистые лица с выпученными глазами и огромными синими языками приходили к ней во сне и молча прятались за нее, прося защиты и жизни, как просят все дети на свете у своих матерей?

Старый Исаак тогда совсем не был старым, и они вместе с женой в течение пяти ночей растаскивали смердящую гору человеческого мяса, и, найдя детей, прятали их в придорожной канаве. Им повезло: они нашли всех. В ту же, последнюю, ночь голыми руками вырыли они одну могилу на всех, сровняв холмик с землей, чтобы никто не нашел место.

Тогда он еще не знал никаких молитв, и они молча в первый и последний раз встали вместе у края пахнувшей сыростью бездны, разделившей их жизнь и смерть на такие неравные доли. Их детям досталась смерть.

Но то, что досталось им, можно ли назвать это жизнью?!

Жена простудилась и слегла, чтобы больше никогда не встать. С какой ненавистью Исаак пришел тогда к Богу. О, если бы он мог, он бы вырвал Его сердце, и вырывал бы ежедневно, ежеминутно за каждого из детей, за то, что Он недоглядел и позволил случиться на этой земле людям с Его именем на ременных пряжках: «Gott mit uns!»

Сколько лет, сколько молитв, сколько мыслей было перетерто в прах, сколько дней и ночей ушло на то, чтобы изжить ненависть из своего сердца, и удалось ли это Исааку вполне,

кто знает?

Но на похоронах он радовался. Он радовался тому, что для его жены все наконец закончилось, и где бы она ни была сейчас, и что бы с ней ни происходило, не может быть, чтобы там было хуже, чем здесь. И возможно, что *там* – о, Господи! – она забудет все, что с ней было *здесь*.

Сама мысль об этом была до того хороша, до того необычно легка, светла и радостна, что Исаак улыбался, глядя на гроб жены. Он улыбался ей и еще этому некрасивому молчаливому мальчишке, что всегда смотрит в глаза и будто чего-то ждет от Исаака.

Интерком мурлыкнул, и Левин вздрогнул, вернувшись в день сегодняшней.

Потянулся было к телефону, однако отвечать не стал. Вопросы. Опять вопросы.

Дома все спрашивали, какой он, президент, что говорил, как выглядел.

Как может выглядеть человек, который принимает решения за всех остальных? Занято выглядел. Ему показалось, что они с президентом друг друга поняли. Может, показалось. В любом случае много времени друг у друга не отняли.

Он смотрит на Кремль.

Там в каком-нибудь запаснике или каморке (интересно, есть ли в Кремле каморки?), где хранятся подарки президентам, лежит его габрро-диабаз под номером «1».

Из телевизора на стене звучит мужчина в хорошем сером

костюме. Адвокат.

«Адвокаты, – говорит мужчина, – нужны только умные. Других не надо».

«Это вы так о себе или о коллегах по цеху?» – спрашивает ведущий.

«Это не я, – отвечает мужчина, – это В. И. Ленин, из письма товарищам в московской тюрьме».

«И что же, – хмыкает ведущий, – вы согласны с Лениным?»

«Да, – говорит мужчина. – Как и вы».

Он смотрит на лицо мужчины на экране. Кавказец. Адвокат-кавказец, пробившийся на экран сквозь фильтр земляков Левина, очевидно включивших адвокатскую профессию (как, впрочем, и банковское дело) в мононациональную монополию?! Шустрый малый.

«Допустим, – вновь хмыкает ведущий. – Но о чем говорил Ленин, в контексте?»

«Ленин говорил о том, что адвокат, защищая клиента, должен использовать несовершенство законодательства, высмеивать имперский суд по отношению к суду присяжных, искать ошибки обвинения и упущения судопроизводства и использовать их в пользу клиента, но не смягчать перед прокурором очевидной реакционности социал-демократических взглядов его подзащитных. Если хотите: наличие или отсутствие принципов – личное дело клиента. Дело адвоката – защита клиента, с принципами тот или без».

«Вы социал-демократ? Или у вас принципов нет?»

«Вы этого никогда не узнаете».

«Почему?»?

Он выключает звук, наблюдает за лицом мужчины уже в тишине. Он часто так делает, смотрит на людей из телевизора в тишине: выражение лица говорит о многом, слова лишь мешают видеть.

Потому что я умный, молча говорит с экрана мужчина в костюме и не улыбается.

Кремль зажигает огни. Станет ли от этого светлее?

Поживем – увидим!

Полозов

Кабинет у майора маленький. Тесный.

Прокуренный насмерть, хотя Полозов в кабинете не курит. Вообще курит, а в кабинете нет. По закону нельзя. А по вечерам можно: открыть окно, сесть на стол и курить, к утру проветрится.

А если и не проветрится, один черт в курилку тесненькую тут же, за углом, с утра народу набьется, задымят весь этаж. Сквозняком в кабинет все одно протянет. Так что кури не кури, результат один: вонища.

Вот она, на просвет, вся как есть – свобода человеческого выбора: выбор есть, свободы нет.

Сидит майор на столе, мнет в пальцах сигарету.

Думает.

Как так случилось, что после нечаянной, неожиданной, крохотной зацепки, если откровенно и не зацепки даже, а так, зацепочки, самой, в общем, незначительной и малоприятной на вид, ничего совершенно не обещающей, за которую майор взялся и сам-то теперь не скажет почему, как так вышло, что зацепочка эта начала раскрываться слой за слоем, как бумажный оригами, развертываясь, подтверждаясь косвенно и непосредственно. Так и прошли шесть месяцев ювелирной работы, уйма человеко-часов, множество бессонных ночей, никотина на табун, нервов с километр,

и вот он, результат: теперь майору достоверно, доподлинно, совершенно и фактически, неоспоримо и однозначно известно, когда один человек убьет другого.

Не хочет убить, а именно что убьет. Не сам, а другого человека наймет. Уже нанял. Знает майор кого: имя, фамилию. Знает где, как, когда и сколько наемному убийце за убийство авансом заплачено, а сколько после причитается. Знает, в какой валюте и в каких купюрах. Знает, что все уже готовы: заказчик, деньги, алиби и наверняка оправдание самим себе, если убийцы вообще в таком нуждаются. Жертва тоже готова, хотя и не догадывается. На то и жертва.

Закон гласит: ни один человек не имеет права убить другого человека.

И курить в служебном помещении.

Курят. И убивают. Люди очень любят думать, что убивают какие-то другие люди. Не такие, как они. Какие? Черт его знает. Не такие. Не мы, одним словом. Мы на убийство не способны. Мы из другого теста. Мы так, максимум покурить в помещении. Тянет майор неприкуренную сигарету и сам себе усмехается.

В какой момент с человека спадает легонький налет цивилизации и он перестает быть человеком? Майор не знает. Да и не его это дело. Пусть каждый сам решает, как жить. Нет сил по совести – живи по Закону.

А майор Полозов здесь поставлен Его, Закона, букву и дух защищать. Ему за это деньги издевательские платят.

Думает Полозов. Ждет чего-то.

Чего ждет? О чем думает?

Все у майора есть: номера машин и телефонов, распечатки смс, записи разговоров. Все улики, прямые и косвенные, какие ни одному не то что сыскарю опытному, а даже распоследнему самому выдумщику-киношнику вообразить никак не возможно – все, буквально все есть у майора.

Одного нет.

Того, без чего Закон работать никак не может. Трупа.

Здесь вам все же не кармический хаос, а светское государство, страна победившего Закона, в неярком свете которого приходится признать: желание кого-то убить – деяние не подсудное. Ты убей.

И даже если и убил, то дело это до тех пор твое личное, и Закон на тебя до тех пор дреманым своим оком смотрит и все права и свободы законопослушного гражданина за тобой сохраняет, пока обратное не будет неопровержимо доказано.

Дайте труп! Нету тела – нету дела, как говорится. И ведь верно говорится: будет тело – возбудится дело, зашуршат бумаги, придут полозовы и, подставляясь под начальственную ругань, бытовые неудобства, издевательские зарплаты, изощренную нелюбовь общества, под выговоры, слухи, клевету, предрассудки и пули, станут долго и трудно искать эти самые неопровержимые доказательства. А когда такие найдутся, и если и впрямь окажутся эти доказательства достаточно неопровержимы для того, чтобы никакие лоще-

ные адвокатишки, чья почасовая ставка вдесятеро превышает почасовую ставку лучшей из известных майору проститутток, чтобы даже они, сверкая зубами и маникюром, ничего не смогли поделаться с неопровержимостью улики. И даже если улики эти не исчезнут и не пропадут, или единственный свидетель, живущий на третьем этаже, вдруг не выпадет из окна пятнадцатого, предварительно оставив на столе предсмертную записку чужим почерком «Прошу в моей смерти никого не винить!», и если прокурор по необъяснимым причинам вдруг не станет затягивать дело из месяца в месяц, из года в год, пока оно не развалится как бы само, зараза такая, собой от земной гравитации и безысходности, и материалы его не починут в вечной бюрократической базе, не сгорят или не утонут, вот когда все эти «если» сойдутся вместе на суде, тогда вас, возможно, признают убийцей, осудят и накажут, как умеют: изолировав от общества надолго или навсегда.

До той же светлой поры презумпция невиновности во всей своей вынужденной красе вполне распространяется на всякую сволочь. Тише. Не делайте Фемиде нервы. Видит она плохо, рука у нее тяжелая, дрогнет – всем аукнется.

Кроме того, помимо вышперечисленного имеется еще одна сложность: боги мыслят иными категориями. Для справления своих прямых мифологических обязанностей Фемиде сгодится любой труп. Труп, так сказать, как принцип, как очевидный факт попрания устоев. Это может быть совершенно любой, пусть даже неопознанный, труп. А По-

лозову нужен конкретный.

Майор закуривает.

По телевизору выступает мужчина. Судя по костюму, адвокат.

Майор прислушивается к беседе в телевизоре.

«Адвокаты, – говорит мужчина, – нужны только умные. Других не надо».

Можно ли судить о человеке по костюму? Нельзя. Но все-то в этой жизни шиворот-навыворот, все-то через пень-колоту, через одно место, и ничто не есть то, чем кажется.

И хорошо, вдруг думает майор. И прекрасно. И пусть так оно все и будет.

Люди звонят в телевизор, адвокат отвечает на их вопросы.

Вопросы – это хорошо. И вопросы здесь будет задавать майор.

Майор берет трубку телефона.

Кремль зажигает огни.

О женщинах

Женщины – опасная тема для разговора.

О чужой женщине мужчине должно быть нечего сказать, а все, что нужно знать другим людям о твоей, – это то, что она – твоя.

Бегите от вопросов о своей личной жизни как от чумы, ибо праздное любопытство и есть чума! Избегайте людей, которые задают вам эти вопросы, как переносчиков смертельной болезни: что бы они там ни говорили, они не желают вам ничего хорошего. Молчание – золото. Платина. Иридий с бриллиантами. Молчание есть лучший ответ на большинство вопросов о личной жизни, да и вообще на большинство вопросов. Как говорил Марк Твен: «Лучше промолчать и показаться дураком, чем заговорить и развеять все сомнения».

Если посреди беседы встать и уйти, то вас примут в худшем случае за невежу, но уж точно не за идиота. Если же вы начнете отвечать на праздные вопросы о себе, то рано или поздно все неизбежно решат, что вы – идиот.

И будут правы.

Если уж говорить о вашей личной жизни, то элементарная логика совершенно недвусмысленно указывает на тот факт, что она *ваша* и *личная*, а не чья-либо еще. На этот немало-важный факт можно попробовать обратить внимание спрашивающего.

Или опять же промолчать.

Но я все же расскажу вам о своей.

Однажды в Берлине я видел, как в офисе немецкой юридической фирмы устанавливали кондиционер.

Я был на переговорах и через стеклянную стену заметил, как в соседний кабинет-аквариум зашли двое мужчин в синей униформе. Кондиционер они везли на специальной каталочке, которая его же и подняла на нужную им высоту. Двое в синем прикрутили крепления кондиционера к стене, и пока один подключал питание, второй подсоединил шланги, проверили подключение и ушли. Все. Семь минут.

Вернувшись в Москву, я заказал установку кондиционера в офис. Через Интернет, так проще. Назавтра ко мне пришел Горький.

– Шота Олегович, к вам Горький, – сказала в интерком помощница Оля, – по поводу кондиционера.

В строгом Олином голосе не было и намек на веселье. Оно и понятно. Шутка ли, Горький в офисе.

В кабинет вошел невысокий, хмурый человечек. Горький был один и без кондиционера.

Деловито поздоровавшись со мной, Горький долго водил по стенам красным лазером, что-то записывал, сделал на стенах пометки белым мелом, потом сказал, что сейчас придет, ушел и не вернулся.

Мысленно соединив концы отметин на стене, я получил пентаграмму.

Через день Горький позвонил и привез мой кондиционер.
– Все готово, – сказал Горький.

Таким тоном, наверное, конструктор Королев давал команду, впервые посылая человека в космос.

– А где риски? – оглядывая стены, спросил Горький.

– Риски?

– Риски... Я вам стены пометил...

– Вы пометили мне стены?

Горький вздохнул.

– Крестики мелом...

– Ах, мелом... Наверное, уборщица... извините.

– Ничего... – неожиданно легко согласился Горький. –

Я вам сейчас снова помечу. Это недолго.

На этот раз Горький не пользовался лазером и пометил мои стены минут за пять.

– Не поможете? – спросил Горький, закончив.

– Чем именно?

– Кондиционер принести. Я сегодня один. Без напарника.

Когда мы с Горьким, пыхтя, поднимали кондиционер по лестнице (никогда не думал, что кондиционеры такие тяжелые), нас догнал хорошо одетый гражданин. Хорошо одетый гражданин явно спешил, но никак не мог нас обойти: Горький, кондиционер и я занимали весь пролет. Тогда гражданин, видимо, в надежде ускорить процесс, предложил свою помощь.

Когда мы втроем внесли кондиционер ко мне в офис и с

почтительной осторожностью опустили его на пол, хорошо одетый гражданин спросил, не подскажу ли я, где здесь адвокатское бюро Шоты Горгадзе.

Я сказал, что подскажу, и подсказал.

Тогда гражданин спросил, может ли он увидеть самого Горгадзе.

Я сказал, что может, и протянул гражданину руку.

Гражданин не очень крепко пожал ее, видимо, принимая какое-то непростое решение. По его взгляду мне было ясно, что он узнал меня еще там, на лестничном пролете, но, дабы избежать неловкой ситуации, когда рукопожатие было невозможно из-за ноши, разыграл сцену знакомства уже в приемной.

– Левин, Илья Левин, – представился гражданин.

Я предложил обсудить его дело за обедом, сославшись на то, что неподалеку есть вполне приличный ресторан. Не потому, что я всегда обедаю с клиентами, а потому, что я вдруг узнал в нем генерального директора (и владельца) «АвДо-ра». Того самого, который перебирал брусчатку на Красной площади.

Когда приблизительно через час я вернулся, на стене в кабинете, приветливо помаргивая изумрудным глазком, висел кондиционер, в комнате царила приятная прохлада.

А через три дня ко мне пришла девушка из транспортной фирмы этажом ниже и сказала, что я их заливаю.

В качестве доказательства она отвела меня вниз и пока-

зала темное пятно на потолке. Пятно было в форме Австралии. Точно над пятном располагался мой кондиционер.

Пока Горький ехал на вызов, Австралия превратилась в Северную Америку. Еще через час к ней прибавилась и Южная. Когда Горький, профессионально хмыкнув (и не такое видали), приставил к стене лестницу и дотронулся до кондиционера, в стене замкнуло проводку, и Горького ударило током, он упал с лестницы и сломал себе руку.

Кондиционера у меня в офисе теперь два.

Один ставила чрезвычайно серьезная фирма, второй – тот, что ставил Горький.

Горьковский подключен, но не используется. Убрать – себе дороже: стена под ним продырявлена в восьми местах.

Русская классика – страшная сила. Но я на нее не в обиде: если бы не она, мы бы никогда не поженились с девушкой, показавшей мне «Австралию».

Отказ

Работа адвоката в общем не сложная – никому не отказывать.

Покажите мне адвоката, который откажет богатому клиенту только потому, что тот – сволочь?

А если человек хороший, да еще и миллиардер...

– Господин Горгадзе, у меня к вам вопрос, ответ на который мне нужен сегодня. Немедленно. Ситуация не терпит отлагательств. Завтра – это может быть уже... *вчерашняя* информация. Она стоит дешевле, я же готов платить за оперативность. Как видите, я забочусь о ваших же интересах.

Черта с два, господин Левин. Я не прихожанин воскресной школы в Монтре, где наверняка учатся ваши дети.

Взгляд Левина сверлит мою грудь в точности там, где под костюмом скрывается мое отзывчивое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.